

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

*О. М. Цветков, старший научный сотрудник
Южного научного центра РАН, эксперт Сети этнологического
мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, г. Майкоп*

Для обеспечения эффективного развития общества и государства необходимо укрепление российской гражданской нации, способной объединиться вокруг общих интересов и целей. Однако в настоящее время протекают такие, не всегда заметные для поверхностного взгляда, процессы, которые углубляют границы между этническими группами, нанося ущерб гражданскому единству. Задача состоит в том, чтобы увидеть эти негативные процессы и воспрепятствовать их развитию. Иными словами, необходимо содействие гражданской интеграции и противодействие дезинтеграции.

В последнее время российские авторы все чаще обращают внимание на то, что политические практики на местах поощряют этнизацию и этнический фаворитизм. Так, Ю. Шабаев отмечает, что «реальной целью региональной этнополитики стало последовательное разделение общества на этнические сегменты, построение новой этнической иерархии и невольный отказ от гражданской консолидации»¹. С точки зрения Ю. Шабаева, «российские политики совершили ту же ошибку, что и западные сторонники мультикультурализма. Они сделали упор на многообразие культур, полагая, что национальное единство задается самим фактом сосуществования этих культур в рамках единого государства. На Западе эта ошибка привела к появлению параллельных сообществ, в России навязывание этничности в условиях кризиса старой системы ценностей породило в конечном итоге

¹ Шабаев Ю. Ксенофобия как симптом идеологической дистрофии // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь. 2006.

подавление гражданственности этничностью»². Крах прежней идеологии, по существу, привел к отказу от идеи гражданской нации, «заменив ее идеями суверенизации и этнической сегментации». Автор полагает, что «обществу активно навязывалась этничность, а политические институты стали приватизироваться этническими сообществами»³.

Соглашаясь с цитируемым автором по существу и в основном, обратим лишь внимание на то, что многие страны Запада, столкнувшись с «взрывом этничности», стали проводить политику гражданской интеграции. В современной же России даже сам этот термин – «интеграция» – пока не получил широкого употребления. Это отражает одну из примечательных особенностей современного отечественного дискурса – разговоры о необходимости укрепления единой гражданской нации не дополняются разработкой и выдвиганием рациональных, «прикладных» программ по интеграции. Во внутренней политике современного российского руководства она пока не выглядит как самостоятельный, хорошо фундированный и обеспеченный ресурсами проект. Наоборот, хорошим тоном считается адресоваться к фрагментированности, т. е., этничности («многонациональный российский народ» и т. п.), преподнося ее как нечто, не нуждающееся во внешнем воздействии, абсолютно фундаментальное и неизменное. А на уровне лидеров и активистов региональных этнических организаций, в том числе и русских, сама постановка проблемы интеграции часто вызывает категорические возражения. Они сводятся к тому, что интеграция противоречит и наносит ущерб этническому своеобразию. Последний раз подобного рода аргументы звучали на Круглом столе «Дiaspora: тенденции, практики и перспективы функционирования и исследования», который проводился 18 сентября 2007 г. в Ростове-на-Дону. Большинство представителей «diaspor», а, на деле, российских граждан, выступило против интеграции в гражданскую нацию. Только единственный приглашенный, руководитель одного из региональных информационных агентств, недвусмысленно заявил: «Я еврей, но я не принадлежу к еврейской диаспоре, а считаю себя российским гражданином».

Таким образом, сложилась довольно специфическая ситуация. Многие люди из различных этнических групп считают себя «россиянами». Но при этом этничность выступает для них гораздо более весомым стимулом для социальной активности, нежели гражданские права. Для того чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно обратиться к постсоветской истории Северного Кавказа, где социальная активность часто обнаруживает этнические, а не гражданские корни.

Некритически воспринимаемый поток событий, которые могут быть охарактеризованы как чисто этнические, является существенным препят-

² Шабаетов Ю. Ксенофобия как симптом идеологической дистрофии // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь. 2006.

³ Там же.

ствием для осознания необходимости реализации интеграционного проекта. На фоне кажущейся тотальности этничности рассуждения об интеграционных проектах для Северного Кавказа выглядят как идеалистические, оторванные от реальной жизни и неподдающиеся осуществлению на практике. А необходимость решения текущих задач по обеспечению социально-политической стабильности заслоняет творцам российской внутренней политики «нереальную пока» перспективу интеграции. Так, к примеру, проще «дать» проживающим в Карачаево-Черкесии ногайцам и абазинам «собственные» национально-административные районы, нежели реализовывать проекты, результатом которых станет то, что административные районы перестанут быть зонами доминирования той или иной этнической группы, а станут районами доминирования гражданских сообществ. Необходимость решения текущих повседневных задач, а также относительно короткие «жизненные» циклы политиков и многих управленцев (от выборов до выборов), привели к тому, что одна из важнейших стратегических целей государства – дальнейшая интеграция граждан в единую гражданскую нацию – вытеснена на периферию государственного и общественного внимания.

Возможно, еще одна из причин (не самых главных) этого та, что качественно разработать российский интеграционный проект сложно, поскольку сложен его предмет – многоэтническое и многоконфессиональное население РФ. Очевидно также, что его реализация требует большой политической смелости, воли и ответственности, привлечения немалых административных и интеллектуальных ресурсов, в том числе, умения формулировать конкретные задачи и решать их; отказа от повседневного и предвыборного популизма. Однако, как представляется, возвысить саму идею интеграции до должной политической высоты и сделать ее понятной массовому сознанию, необходимо было «еще вчера».

Так, надо было широко разъяснять, что признание необходимости укрепления гражданской нации, гражданских (а не этнических) солидарностей не ведет к отрицанию этничности. Напротив, одной из важнейших забот гражданской нации является обеспечение прав на культурное многообразие и развитие. Каждый, даже самый малочисленный этнос, должен иметь гарантированную защиту своих прав и возможностей выбора в сфере языка и культуры.

Другим базовым принципом интеграционного проекта должно стать понимание и признание того во многом очевидного факта, что предметом интеграции является все население РФ. А это влечет за собой необходимость создания государственной институциональной структуры федерального уровня, а не рассредоточение этой функции среди множества региональных министерств и иных ведомств, ведающих в настоящее время «межнациональными» отношениями. Существующие сегодня в Министерстве регионального развития РФ подразделения, в сферу компетенции которых входит анализ межэтнических и межконфессиональных отношений, являются всего лишь подразделениями одного из министерств. Этого ста-

туса явно недостаточно. Интеграционный проект необходимо позиционировать как стратегическую задачу всей российской внутренней политики, делать его центральным пунктом современной повестки дня. В противном случае Россия продолжит существовать в режиме, который один зарубежный политолог назвал в середине 90-х гг. XX в. «обществом без граждан».

Выдвижение интеграционного проекта в центр внутривнутриполитической жизни необходимо также потому, что сохранение существующего положения вещей, «беременного» различными дезинтеграционными тенденциями, может привести к негативной социальной динамике. Может осуществиться дальнейшая этническая фрагментация и углубление этнических границ, конструирование все новых и новых этнических игроков, подрывающих политическое развитие нашей страны путем подмены политических субъектов (государства, партий, общественных организаций и др.) дополитическими, т. н. потестарными, субъектами – этническими группами и группировками, землячествами, кланами, формально выступающими от имени «своего народа». Вся постсоветская история Северного Кавказа показывает: в то время как политические партии и политические идеологии (т. е. собственно партийная система) с большим трудом укореняются в политическом пространстве, и партии в большинстве своем умирают, лишившись государственно-бюрократической поддержки, всевозможные этнические организации, а также лидеры республик, выступающие от имени «своих» народов, легко пускают в нем корни и превращаются в профессиональных «полис-мейкеров» – делателей политики. В этом смысле политическое развитие Северного Кавказа больше походит на консолидацию «союза племен», нежели на процесс формирования общегражданской солидарности и оформления гражданско-политического консенсуса. Для того чтобы воспрепятствовать этой социально-политической архаизации, необходимо дать непредвзятые оценки существующим способам конституирования этнических игроков, характеру отношений между ними и государством и последствиям этих отношений.

Анализ ситуации показывает, что этнические игроки существуют теперь, в основном, в виде этнокультурных организаций. Такого рода организации нередко выступают от имени «своего народа» не только в области этнической культуры, но и в политических, социальных и иных сферах. При этом совершенно очевидно, что этническая организация, созданная небольшой или даже большой группой лиц, совсем не обязательно отражает интересы народа. Это, в частности, подтверждается и тем, что во многих российских регионах существуют по несколько организаций одного и того же народа, конкурирующих между собой. Однако данное обстоятельство, как правило, не принимается в расчет региональными чиновниками, ведающими «межнациональными» отношениями. Им, как представляется, важнее отчитаться в проделанной работе путем указания на сами факты контактов с этническими организациями и проиллюстрировать тем самым наличие «диалога власти с обществом». Таким образом, конструируются и укореня-

ются все новые и новые этнические игроки, а социально-политическое пространство все более фрагментируется на этнические сегменты.

Приведем характерные примеры. В республике Адыгея много лет существует татарское культурно-просветительское общество «Дуслык». Однако в региональных СМИ полное название этой организации обычно сокращают до «татарское общество «Дуслык». Это позиционирует организацию уже совершенно иначе – как организацию всех татар, проживающих в республике (их здесь проживает около трех тысяч, что мало даже для микроскопической по российским меркам Адыгеи). Лидер этой организации в своей деятельности выходит далеко за рамки просветительства и этнического культуртрегерства. Так, например, в 1999 г. он, наряду лидерами еще четырех этнических организаций, поддержал Аслана Масхадова, лидера мятежной Чечни в специально сделанном официальном Заявлении. Руководитель «Дуслыка», вместе с руководителями других этнических организаций, призвал остановить антитеррористическую операцию. «Чтобы остановить античеченскую истерию, – писали они в своем Заявлении, – и не допустить распространения русофобии на Кавказе, мы призываем <...> Председателя Правительства Путина В. В., министра иностранных дел Иванова И. С. перевести разрешение проблемы военно-силовыми методами на путь политических переговоров с единственно легитимным, всенародно избранным Президентом Чеченской Республики (Ичкерия)». Далее они продолжали: «Российские высшие руководители, оценивая собственную персону и политические амбиции выше, чем опасность эскалации войны, не удостоивают чести сесть за стол переговоров с лицом, владеющим законной властью в Чечне»⁴.

Авторы заявления писали, что выступают «в соответствии с полномочиями, данными представляемыми народами». Однако на самом деле никто им таких полномочий не давал, и никакой воли своих народов они не изъявляли – не проводили ни референдумов, ни социологических опросов. Напротив, многие татары, как и представители других народов, от имени которых выступили лидеры формально национально-культурных организаций, воевали в Чечне на стороне «федералов». В цитируемом Заявлении замечательно именно то, что этнические воля и интерес противопоставлены гражданским. Не следует, на наш взгляд, игнорировать и плохо скрытую в указанном Заявлении попытку шанта российского руководства «распространением русофобии на Кавказе».

Такого рода примеров, когда «культурно-просветительские» или «национально-культурные» этнические организации вмешиваются в политические процессы от имени «своих народов», провоцируя напряженности и конфликты – великое множество. Легкость, с которой общественные организации от имени «своих народов» участвуют в политике, сопровождается легкомыслием СМИ, которые тоже позиционируют общественные организации как организации народов. Так, например, в Кабардино-Балкарии общественная организация «Алан», созданная представителями балкар-

⁴ «Гъуазэ», ноябрь-декабрь 1999, № 11-12.

ской этнической группы, часто проходит в СМИ как «общественная организация балкарского народа». Наряду с этой организацией существует другая балкарская организация, которая также претендует на отражение интересов всех балкарцев – Совет старейшин балкарского народа. Между собой эти организации находятся в сложных отношениях. На Северном Кавказе вообще у подавляющего числа народов есть «свои» общественные организации, которые претендуют на отражение воли всего народа и нередко прямо заявляют об этом. Таким образом, вместо интеграционных процессов, основанных на осознании людьми своего общего гражданства, и выдвижения на авансцену гражданских организаций, способных предлагать универсальные принципы гражданского, в том числе и межэтнического сосуществования, развитие получили активно вмешивающихся в политику организации, выступающие от имени этносов и нередко ратующие за какие-то «особые права».

Помимо опасности социальной дезинтеграции, которую несут в себе такого рода организации, они могут быть использованы региональной властью как политический ресурс для удовлетворения узкогрупповых эгоистических интересов, противоречащих национальным (в смысле общенародным). Проиллюстрируем эту тенденцию на примере все того же «Дуслыка», который наряду с еще парой десятков «национально-культурных» и иных организаций в 2006 г. был мобилизован региональной властью для противодействия Д. Козаку, исполнявшему в то время обязанности полпреда Президента РФ в ЮФО. Упомянутые организации демонстративно отказались обсуждать с Д. Козаком кандидатуры на должность президента Адыгеи, заявив об этом в печати. В соответствии с действующим законодательством полпред был обязан представить в Администрацию Президента РФ перечень кандидатов на должность президента Адыгеи, поскольку полномочия действующего тогда президента Хазрета Совмена истекали. Для того чтобы подобрать таких кандидатов, Д. Козаку необходимо было провести консультации с общественностью. Однако лидеры общественных организаций, ангажированные командой президента Х. Совмена, который не хотел уходить со своего поста, под разными предлогами отказались от встречи с полпредом, о чем и рассказывала подконтрольная региональной власти газета. А встреча общественных организаций с Д. Козаком состоялась только тогда, когда, как представляется, многие «общественники» поняли, что в республике неизбежен новый «хозяин», и продолжать «ходить под Совменом» нет никакой необходимости.

При новом президенте Адыгеи – Асланчере Тхакушинове – лидер «Дуслыка» был включен Указом президента республики (октябрь 2007) в состав республиканской Общественной палаты, и теперь продолжит влиять на самые разные процессы от имени татарского народа. В состав республиканской Общественной палаты, персональный состав которой определил президент республики, как бы «по умолчанию» попали и иные общественные организации, традиционно (некоторые – со времен социализма) избегающие малейших разногласий с властью и не упускающие случая поклясться ей в абсолютной лояльности.

Можно привести множество других примеров, когда «национально-культурные» организации ввязывались в политические процессы, весьма далекие от чисто культурных и просветительских, и выступали на стороне региональной власти. Даже оставаясь в стороне от политических процессов, такие организации легитимируют безраздельное господство региональных бюрократий. Как пишут журналисты «Комсомольской правды», «Общественные организации при власти – это, как правило, декоративная ширма с фольклорным ансамблем, чтобы показать, что в национальной республике все хорошо и права всех соблюдены»⁵. Контакты региональных чиновников с этноорганизациями – удобный способ имитации бюрократической активности. Дежурные призывы в пользу мира и дружбы, организация концертов этнической музыки и танцев – очень удобные способы оправдать получение чиновничьей зарплаты. Однако для интеграции жителей России в гражданскую нацию это мало что дает.

В тех случаях, когда действия этнических организаций противоречат интересам лидеров республик, последние говорят о том, что такая общественность ничьих интересов не представляет. Вот, например, что говорил Арсен Каноков, президент КБР: «Есть общественная организация балкарцев, которая почему-то присваивает себе право говорить от имени народа и выражать его интересы. <...>. Они считают себя оппозиционерами, но на самом деле, это нечистоплотные, непорядочные люди, которые ничем не удовлетворятся, пока не дорвутся до власти». <...> «От лица народа, – продолжает А. Каноков, – может говорить избранный им парламент, а эти люди просто привлекают к себе внимание. В 1991-1992 гг. у нас уже была такая ситуация. Был конгресс кабардинского народа, был конгресс балкарского народа, и они противостояли друг другу <...>. Мне кажется неуместным обсуждать обострение межнациональных отношений, когда три-четыре человека собираются и начинают говорить от имени целого народа или выходят на улицу 100 человек, и по всей России поднимается шум по поводу обострения ситуации в Кабардино-Балкарии»⁶.

Упоминание А. Каноковым противостояния этнических организаций кабардинцев и балкарцев заслуживает внимания. Присвоив право выступать от имени тех или иных народов, этнические организации нередко выступают участниками или даже сторонами конфликтов. Примеров тому на постсоветском Северном Кавказе можно найти много в каждой из республик.

Приведем характерный пример из жизни Карачаево-Черкесии. В 1999 г. в черкесском ауле Хабез состоялось собрание черкесской общности, на котором было принято постановление, в резкой форме осуждающее «политическое поведение» пяти известных в КЧР людей, черкесов и абазин по национальности. Поводом для их обвинения в «раскольничес-

⁵ Комсомольская правда, 6 июня 2006 г.

⁶ Из интервью Арсена Канокова, президента КБР, «Время новостей», №170, 19 сентября 2007.

ко-изменнической деятельности» (так записано в постановлении собрания) послужило всего лишь их присутствие на праздновании юбилея тогдашнего главы республики Владимира Семенова. Последний воспринимался многими черкесами как карачаевец (хотя по своему происхождению он наполовину русский), незаконно «укравший» у тогдашнего мэра г. Черкесска и известного бизнесмена Станислава Деревы (черкеса) победу на выборах главы республики. На собрании общественности присутствовало около полутысячи человек. Пятерке «отступников» вменили в вину совершение действий, провоцирующих обострение межэтнического противостояния. Участниками межэтнического противостояния в те годы в Карачаево-Черкесии были не только «организации народов», но и даже советы старейшин разных народов.

Доминанта «интересов народов» (а не гражданских интересов) вовлекла во внутрirosсийские дела иностранцев кавказского происхождения, относящих себя к тому или иному кавказскому народу. Так, о своих интересах на Северном Кавказе активно заявила зарубежная черкесская (адыгская) диаспора. Она противодействовала, например, идее объединения Адыгеи с Краснодарским краем (насколько хороша или плоха была эта идея – отдельный разговор). Она также выступила категорически против празднований в 2007 г. в КБР, КЧР и Адыгее юбилеев «добровольного вхождения в состав Российского государства» (и имела для этого основания). Черкесская диаспора много лет добивается признания геноцида адыгов (современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев), совершенного с ее точки зрения, Россией в годы Кавказской войны 19 в.

Лидеры национально-культурных организаций формально выступают от имени своих народов и на внешнеполитической арене. Широко известна поддержка адыгскими (адыгейскими, черкесскими, кабардинскими) общественными организациями абхазского сепаратизма, а североосетинскими – югоосетинского. Один из примеров такого рода – выступление курдской организации в пользу Курдистана. 18 августа 2007 г. председатель Краснодарской краевой курдской национально-культурной автономии «Мидия» И. А. Анкоси обратился к Президенту РФ от имени курдской общины Краснодарского края и Республики Адыгея с просьбой о содействии проведению в Ираке референдума «по присоединению отторгнутых от курдских территорий спорных земель, проведение которого запланировано до конца 2007 г.». Формальным поводом для Обращения стал теракт, осуществленный в Северном Ираке 14 августа 2007 г. Кубанские курды считают, что теракт был осуществлен против курдского населения. Целью этого теракта, как полагают авторы Обращения, является принуждение проживающих на этих землях курдов езидского вероисповедания покинуть обжитые места или отказаться от участия в референдуме.

Конечно, этническое лоббирование различных внутри- и внешнеполитических интересов существует во многих, в том числе и демократических, странах. Проблема современной России состоит, как представляется, в том, что оно, особенно на Северном Кавказе, является чуть ли не основ-

ным инструментом политики, в то время как современные демократические и гражданские институты укореняются весьма слабо. В современном российском обществоведении этот феномен часто обозначают понятием «этнизация политики». Поощрение «этнического подхода» к политике, заигрывание государственных чиновников с этноорганизациями, спекулирующими «интересами народов», провоцирует конституирование все новых и новых этнических игроков и распространение особой разновидности политического лидерства – этнического антрепренерства.

Представляется необходимым преодолеть отождествление чиновниками лозунгов лидеров формально национально-культурных организаций с интересами народов, от имени которых они выступают, и перенести акценты на общегражданский интерес. Власть должна обращаться не столько к татарам, черкесам, лезгинам и т. д. и «организациям их народов», сколько к гражданам и гражданским институтам. Помочь в этом поможет корректная квалификация национально-культурных организаций.

Всю их совокупность можно разделить на две большие группы: этнокультурные и этнонационалистические. Критерий их разграничения прост. Если этническая общественная организация ограничивается в своей деятельности исключительно вопросами этнического языка и культуры, то такая организация действительно является «национально-культурной». Государственная власть, разумеется, обязана прислушиваться к таким организациям и помогать решению возникающих в этнокультурной сфере проблем. Если же этническая организация противопоставляет интересы «этнического целого» гражданскому интересу, то такая организация является этнонационалистической. Как показывает практика, за деятельностью таких этнических организаций скрывается конкуренция за допуск во власть и иным ресурсам, а не борьба за реализацию прав на культурное своеобразие и развитие. Это подрывает возможности горизонтального взаимодействия между конкурирующими организациями и доверие между ними. В результате, вместо того, чтобы в ходе взаимодействия различных свободных от государственного контроля институтов люди приобретали навыки совместной работы и овладевали культурой компромисса, они способствуют углублению социального раскола. Вместо образования позитивного гражданского социального капитала влияния на государство, происходит концентрация «гремучей кавказской смеси» – негативного капитала социальной дезинтеграции.

Формально этнические, а по сути этнонационалистические организации не должны «легитимизироваться» чиновниками путем введения их в круг организаций, определяющих вектор развития гражданских сообществ. Термина «национализм» в данном контексте бояться не следует. В мировой политологической традиции он используется в этически нейтральном смысле и обозначает идеологии и практики, выступающие от имени «этнического целого». Используются также и понятия «гражданского», либерального и пр. национализмов. Как пишет известный специалист по Кавказу С. Маркедонов, «общество и государство, претендующие на создание гра-

жданского правового порядка, не могут себе позволить такой роскоши, как «культ этничности, диктат «голоса крови» в общественно-политической жизни. Реализация либерального принципа равенства всех перед законом предполагает подчинение Конституции и российскому (шире говоря, государственному) законодательству, а не тотальную зависимость чиновников, депутатов, руководителей местного самоуправления от родства и кумовства. Укоренение кровнородственной политической культуры ослабляет не только государство, но и, в не меньшей степени, либеральные принципы»⁷.

Распространение этнонационалистических организаций, их волевая или невольная «легитимация» путем подключения к участию в общественно-политических процессах не могли не вызвать нарастания всех разновидностей этнических ксенофобий, а не только той, о которой обычно говорят СМИ – русской в отношении меньшинств. Ведь русские националистические организации по сути своей выступают с тех же позиций, что и многие формально «национально-культурные» организации, – с позиций «этнического целого». Наличие «национальных республик», которое нередко трактуется лидерами и активистами этнических «национально-культурных» организаций как форма «национальной государственности», провоцирует русских националистов к поиску «своей государственности» в форме какой-либо «русской республики». При этом в русской националистической среде все чаще раздаются голоса в пользу отделения Северного Кавказа или его части от России. Гражданское единство страны подрывается на глазах. А этнизация политики не только поощряет этническую конфликтность, но и создает идеологические предпосылки для очередного раздела страны. Особенно удручает то, что типичная ошибка постсоветских политиков – стремление угодить тому или иному этносу – периодически повторяется. Но после того как угождают одним, появляются недовольные другие.

Противопоставить углублению этнических границ можно только социально-политическую модернизацию региона, результатом которой и станет укрепление гражданской нации. Заниматься этим делом должна федеральная власть, поскольку внутренняя политика находится в сфере ее исключительной компетенции. Определенные социальные условия для модернизации Северного Кавказа есть. В регионе достаточно много людей из разных этнических групп, имеющих хорошее образование, хорошо владеющих разными (а не только родным) языками, людей, для которых гражданские чувства являются приоритетными. У государства также достаточно много ресурсов для стимулирования становления гражданской нации – это государственные СМИ, система образования и культуры и, наконец, деньги. Дело осталось за «малым» – разработкой интеграционного проекта и его реализацией. И это именно тот случай, когда власть обязана показать наличие ответственности перед будущим страны, свою волю и мудрость.

⁷ Маркедонов С. М. Чечня. Война как мир и мир как война./ Ксенофобия на Юге России. Ростов-на-Дону. 2002.